

Блоковско-фетовский пласт в первой книге стихов Б. Пастернака «Близнец в тучах»

Вопрос об обращении Б. Пастернака к творчеству Фета и Блока частично рассматривается авторами исследования «Близнец в тучах. Опыт комментария» [Гаспаров, Поливанов 2005]. На это исследование мы во многом и будем опираться в своей статье. Как нам представляется, изучение интересующей нас темы нуждается в продолжении. Раннее творчество Пастернака достаточно сложно для прочтения и интерпретации. Попытки описать обращение Пастернака к текстам других поэтов должно помочь нам в осмыслении постоянных тем и мотивов в книге стихов «Близнец в тучах», исследованию взаимосвязей между ее стихотворениями, а также их ин-тертекстуальной составляющей, которая и будет отчасти объектом нашего исследования.

Борис Пастернак признавался, что творчество Александра Блока оказало сильное влияние на его сборник стихов «Близнец в тучах» (далее — БвТ). «Отсюда пошел “Близн<ец> в тучах”. Сердца и спутники», — пишет Пастернак на полях стихотворения Блока «Темно в комнатах и душно...» (1901) в своем экземпляре «Собрания стихотворений» 1923 г. Поэт упоминает о своем чтении стихов Блока и Фета в письмах друзьям 1912–1913 гг., цитирует Фета [см. письмо К. Г. Локсу от 10 июля 1913 г.: Пастернак 2005: 142–145], просит переслать книги Блока [см. письмо к А. Л. Штиху, Марбург, 26 июля 1912 г.: Пастернак 1992: 72]. Неудивительно, что в стихотворениях первой книги Пастернака появляются отсылки, тематические переключки и даже полемика с творчеством двух названных поэтов.

Одной из важнейших тем первой книги стихов Б. Пастернака является тема становления поэта. Именно с ней в большинстве случаев связаны отсылки к стихам Фета и Блока, появляющиеся в БвТ. В связи с этой темой мы и будем рассматривать отражение творчества Фета и Блока в первой книге Пастернака.

Обратимся к одному из ключевых текстов БвТ — к стихотворению «Я рос, меня, как Ганимеда...». Лирический герой, несомый («воспитываемый») «бедами и ненастьями» сравнивается с Ганимедом, которого несет орел Зевса (Юпитера). В определенный момент полет двоих превращается в полет троих — лирический герой встречается в небе с возлюбленной. Отметим переход от образа полета с орлом к образу евангельского Вознесения. В стихотворении Пастернака мы видим описание трудного, связанного с невзгодами и борьбой, пути художника: «Несли ненастья, сны несли, // И расточительные беды // Приподнимали от земли», «Заждавшегося бога жерла // Грозили смертного судьбе» [Пастернак 1989: 430].

Как представляется, здесь у Пастернака завязывается поэтический диалог с Блоком. Мы имеем в виду реминисценции из цикла «На поле Куликовом» (1908). В строках Пастернака обнаруживаются лексические совпадения с блоковскими образами: в цикле упоминаются «орел», «лебедь», «воздушная фата». Ср.: «...Жар предплечий // Студит объятие *орла*» [Пастернак 1992: 430] — «*Орлий* клёкот над татарским станом // Угрожал *бедой*» (здесь и далее курсив наш — М. К.) [Блок 2008: 643]; «...Как себя отпевший *лебедь* // С орлом плечо к плечу, и ты» [Пастернак 1992: 430] — «Слышал я Твой голос сердцем вещим // В криках *лебедей*» [Блок 2008: 643], «...Повечерий тканых // Меня *фата* обволокла» [Пастернак 1992: 430] — «А Непрядва убралась туманом, // Что княжна *фатой*» [Блок 2008: 643].

Герой блоковского цикла находится в военном походе¹, мотив борьбы в цикле постоянен, причем он, как и у Пастернака, связан с природными явлениями (ненастье, непогода). Ср.: «...Несли *ненастья*, сны несли» [Пастернак 1992: 430] — «...Взошла и *расточилась* *мгла*, // И, словно облаком суровым... заволокла» [Блок 2008: 645]. Как у Блока, так и у Пастернака «ненастье», грозовая погода в значительной степени метафоричны. У Пастернака этот образ связан

¹ См. о контексте блоковского цикла, например, Левинтон, Смирнов 1979.

с жизненными трудностями, у Блока — с опасностью и нависшей угрозой. Эпиграф к пятому стихотворению блоковского цикла взят из стихотворения В. Соловьева «Дракон» (1900) («И мглою бед неотразимых // Грядущий день заволокло»). В нем описывается схватка воина и дракона, как извечная борьба христианства со злом. У Блока делается акцент на том, что борьба идет с татарами (нехристианами), что позволяет увидеть у Блока тему «христианской брани за веру». Эта тема отчасти находит параллель у Пастернака. Ср.: «В степном дыму блеснет святое знамя // И ханской сабли сталь...» [Блок 2008: 641], «...Биться с татарвою, // За святое дело мертвым лечь» [Блок 2008: 641]. У Пастернака же герой, сопоставляемый с Христом, вынужден бороться с невзгодами. Сходной является и встреча героя с возлюбленной. У Блока — на поле битвы, а у Пастернака — во время и в результате постоянной борьбы: «В ночь, когда Мамай залег с ордою // Степи и мосты, // В темном поле были мы с Тобою» [Блок 2008: 641] — «Лишь вознесенье распростерло // Мое объятие к тебе <...> С орлом плечо к плечу, и ты» [Пастернак 1992: 430].

Чтобы пояснить пастернаковский образ орла, о котором речь уже шла выше, обратимся к стихотворению Фета «Как беден наш язык» (1887). В этом тексте присутствует изображение орла Зевса (Юпитера), с которым сравниваются в стихотворении Пастернака «несущие» героя ненастья и беды: «...Как Ганимеда // Несли ненастья, сны несли» [Пастернак 1992: 430].

Поэтическое слово, «крылатый звук» сопоставляется у Фета с молнией в лапах юпитерова орла. Исследователи [Гаспаров, Поливанов 2005: 58] уже отметили, что орел у Пастернака становится символом вдохновения, сходную с Пастернаком образность мы наблюдаем и у Фета: «*Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук // Хватает на лету <...> Так <...> летит за облака Юпитера орёл...*» [Фет 1966: 57]. У Пастернака подчеркиваются сложности на пути становления поэта, а у Фета описывается трудность выражения чувств в слове, оно оказывается подвластным только поэту: «...Несли не-

настья, сны несли, // И расточительные беды // Приподнимали...» [Пастернак 1992: 430] — «Напрасно вечное томление сердец, <...> Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук // Хватает на лету...» [Фет 1966: 57]. Несмотря на то, что у Пастернака орел — один из персонажей стихотворения, а у Фета — не персонаж, а образ, появляющийся в сравнении, орел, как у Фета, так и у Пастернака — символ преодоления трудностей. Сходными также оказываются строки «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук // Хватает на лету и закрепляет вдруг // И тёмный бред души и трав неясный запах...» [Фет 1966: 57] — «Разметанным поморье бреда // Безбрежно машет издали» [Пастернак 1992: 430]. Если у Фета только поэт может описать этот бред души, то у Пастернака поморье бреда, невыраженные хаотические чувства призывают поэта описать их.

Поэтический диалог Пастернака с Фетом в «Я рос...» полемичен. «Я» поэта у Пастернака приравнивается к его творению, к полету способен сам поэт, не только его поэтическое слово, как в стихотворении Фета, только в таком полете оно и рождается («...поморье бреда... машет»). Более того у Пастернака, к полету способна любовь («ты»), наряду с «отпевшим себя лебедем».

В стихотворении «Вчера как бога статуэтка», посвященном, как отмечено исследователями [Гаспаров, Поливанов 2005: 100–101] взрослению, прощанию с детством, образ борьбы проявляется еще очевиднее. Переход во взрослую жизнь означает для поэта постоянную готовность к борьбе. Мы наблюдаем, как в этом стихотворении становление поэта едва ли не приравнивается к военному походу: «Мечом призывов новых стянут // Изгиб застывшего бедра», «Они услышат возглас; (sic!) “Встаньте, // Четою зиждительных услуг!”» [Пастернак 1989: 440]. Образ ненастья, как фон тревожным образам и всей теме становления поэта, присутствует в большинстве текстов БвТ.

В названном стихотворении Пастернак снова обращается к блоковскому циклу «На поле Куликовом». В тексте неожиданно по-

являются и блоковские «противники» русских войск — татары. Речь идет о возгласах разносчиков за окном, но в контексте введенной в двух предыдущих стихах «военной» темы («Мечом призывов новых стянута // Изгиб застывшего бедра») эти бытовые возгласы ассоциируются с «трубными криками» татар у Блока. Герой, не находящийся в отличие от блоковского «я» на поле боя, переживает ситуацию, которая описывается Пастернаком в сходных с блоковскими словами, и голоса за окном из бытовой подробности трансформируются в «военный» образ ради создания и поддержания нужной картины. Возглас же «Творца»: «Плачь! Этот дождь за ветхой веткой // Еще слезой твоей не сыт» [Пастернак 1989: 440], — видимо, восходит к блоковским строкам «Закат в крови! Из сердца кровь струится! // Плачь, сердце, плачь...» [Блок 2008: 642]. Таким образом, бремя и подвиг, необходимые для становления поэта, оказываются вновь сопоставленными с христианской борьбой за веру.

Обратимся теперь к последнему стихотворению БвТ — «Сердца и спутники». Именно его Пастернак упоминает в записи на полях стихотворения Блока, поэтому этот текст требует нашего пристального внимания. Его заглавие совпадает с началом первой строки другого стихотворения сборника — «Близнецы». Эти два текста, а также стихотворение «Близнец на корме» объединяет общий главный образ — «близнечества», отсылающий к мифологическим близнецам Диоскурам. Этот образ, также привлекающийся Пастернаком для раскрытия темы поэта довольно сложно пояснить во всех его смысловых гранях и оттенках. У героя появляется двойник — это его alter ego, его возлюбленная, поэзия и поэты. Этот образ оказывается тесно связанным с образами борьбы с жизненными невзгодами, погони за двойником и потери возлюбленной и, как кажется, отсылает нас именно к блоковским образам, о чем речь пойдет ниже.

Исследователи отмечают, что образы звездочета и «розных зорь» связаны с пьесой Блока «Незнакомка» (1906) [Гаспаров, Поливанов 2005: 132]. Образ же двух сердец, «горящих над бездной» упо-

минаются в стихотворении «Темно в комнатах и душно», на полях которого Пастернак делает пометку: «Полюбуйся равнодушно, // Как сердца горят над бездной» [Блок 2008: 114]. Подчеркнем, что у Блока речь идет именно о двух сердцах, которые подвергаются опасности. Важной для Пастернака, по-видимому, становится последняя строфа, в которой упоминается вознесение сердец в «надзвездную» страну и последующее их соединение, что, однако, неосуществимо: «Не взлетят <...> // Никогда своих желаний // Не сольют в стране надзвездной?» [Блок 2008: 114].

Мотивы «погоны» двух лирических персонажей друг за другом в метели» и «узнавания», которые находим в «Сердцах и спутниках», характерны для блоковского цикла «Снежная маска» (1907). Так, например, в стихотворении Блока «Тревога» изображается преследование «сердца» его тайным спутником: «Сердце, слышишь // Легкий шаг // За собой» [Блок 2008: 392]. В другом стихотворении из «Снежной маски» — «Голоса» помимо уже обозначенных мотивов погони и узнавания, появляются образы «сердца» и небесных светил. Стихотворение построено как диалог двух «голосов» — «его» и «ее». Ср. у Пастернака: «Два голоса в песне, мы скажем: // Нас двое...» [Пастернак 1989: 451]. Последняя реплика «его» *голоса* «О, где ты, солнце» [Блок 2008: 398] находит отражение в пастернаковских строках «...Причудник, // вошедший в афелий пассажем», т. к. афелий — это наиболее удаленная от Солнца точка орбиты обращающегося вокруг него небесного тела. Слово «спутник» используется Пастернаком в двух значениях. Эта лексема синонимична слову «близнец», которая, возможно, и влечет за собой все остальные «астрономические» образы стихотворения. В тексте Блока для Пастернака важны образы «следования за сердцем» и «спутника сердца». Словоформа «афелий» может также выступать в качестве грамматического омонима имени «Офелия», образа, важного для раннего Блока, (см. стихотворения «Мне снилась снова ты...», «Офелия в цветах, в уборе...»

(1898) из «Ante Lucem») и возникающий в «Близнеце» [Гаспаров, Поливанов 2005: 53–54].

Еще один важный образ, появляющийся в БвТ — это «крещение». Образ крещения, так же, как и «близнецество» связанный с темой становления поэта и любовной темой, появляется в стихотворении «Не подняться дню в усилиях светилен...». Соотношение этих двух образов внутри стихотворения помогает понять роль блоковских цитат у Пастернака. Здесь Пастернак снова обращается к циклу «Снежная маска» — стихотворению «Второе крещение». Само заглавие блоковского стихотворения напоминает о позднейшем пастернаковском образе «второго рождения». Крещение в христианстве имеет значение рождения заново. Таким образом, тема становления поэта, которой сопутствует образ взросления, прощания с собой-мальчиком, получает значение новой жизни «Далеко не тот, которого вы знали» [Пастернак 1989: 436]. Блоковское «крещеньем третьим будет смерть» [Блок 2008: 387] совпадает с «погребальными» образами у Пастернака (светильня, покрывало, зима).

В стихотворении «Мне снилась осень в полусвете стекол...» появляется мотив, очень важный для БвТ — разлуки с возлюбленной в одном из его вариантов — смерти возлюбленной. Гаспаров и Поливанов уже отметили отсылки к некоторым текстам Блока («Мне снилась смерть любимого создання...», «Мне снилась снова ты в цветах, на шумной сцене...», «Ты умерла, вся в розовом сиянии...») и стихотворению Фета «Как вешний день, твой лик приснился снова...» [Гаспаров, Поливанов 2005: 53–54]. Считаем нужным упомянуть еще об одном стихотворении Фета. В последних строках стихотворения Пастернака упоминается о поднятии путей «как брошенных стелей» [Пастернак 1989: 429]. В контексте развития темы становления поэта в БвТ мы можем предполагать, что речь идет именно о *поэтическом* пути. Композиционно и тематически эти строки перекликаются со строками из стихотворения Фета «Офелия гибла и пела...»

(1846): «И много мне чувства, и песен, / И слез, и мечтаний дано» [Фет 2007: 110]. У обоих поэтов смерть возлюбленной становится стимулом к творчеству.

В стихотворении «Все наденут сегодня пальто...» появляется еще один, важный для реализации темы становления поэта мотив — мотив «пития». «Питие» лирического героя — отклик на ненастную и дождливую погоду. В то же время, как представляется, этот образ отсылает нас к христианскому контексту. Это появляющиеся в тексте «акриды» — пища подвижников-пустынников и строка «И за нами зальется калитка» [Пастернак 1989: 431] — напоминающая об изгнании из рая Адама и Евы (Адам появляется в БвТ в стихотворении «Эдем»). Понять же смысл таких отсылок помогают поэтические аллюзии на стихотворение Блока «Незнакомка». Герою Блока, пьющему наедине с собой, является видение прекрасной Незнакомки, ему поручается «тайна», и он восклицает вслед за пьяницами: «Истина в вине» [Блок 2008: 365]. Пастернак вторит Блоку в строках «Нынче нам не заменит ничто // Затуманившегося напитка» [Пастернак 1989: 431]. Пастернаковский герой также отчужден от окружающих: «...Из них не заметит никто...». Имея в виду тематические особенности БвТ, о которых уже было сказано, можно утверждать, что для Пастернака у Блока была важна тема «испития чаши» — именно так он мог понимать и трактовать блоковское «истина в вине», также прочитывая «вино», как «вину». (Мы уже говорили об ассоциативном и парадоксальном наложении образов у Пастернака, когда обращались к стихотворению «Вчера, как бога статуэтка...»). Можно говорить об образе «поэта-мученика» у Пастернака, сопоставляемого с Христом (ср. образ вознесения в стихотворении «Я рос...»). Актуализироваться может здесь и вся христианская «винная» символика от чуда в Кане Галилейской до Тайной вечери.

Тема питья как метафора творческого процесса разворачивается Пастернаком в стихотворении «Пиршества». Однако здесь поэт уже указывает на собутыльников или сообщников: «Земли хмельной

сыны, мы трезвости не терпим»; «Рыдающей строфы сырую горечь пью» [Пастернак 1989: 439]. «Мы — это поэты, или поэт, земля, ночи, вечера, небеса, туберозы, с которыми поэт объединяется и противопоставляется тем, кто не ведает о подобном («*Не ведает* молва тех необычных трапез» [Пастернак 1989: 439]). Возможно, появляется отсылка к блоковскому стихотворению «Поэты», о жизни поэтов, отличной от жизни других людей, в котором пьянство и «неправильная» жизнь поэтов оправдывается их избранностью. Ср.: «*Не ведает молва тех необычных трапез*» [Пастернак 1989: 439] — «...Читатель <...> *Тебе ж недоступно* все это» [Блок 2008: 554], «Покуда в хрустальных неубранные яства // Во груди тубероз не превратит она» [Пастернак 1989: 439] — «...Умру под забором <...> *То вьюга меня целовала!*» [Блок 2008: 554]. Возможно, Пастернак здесь полемизирует с Блоком, акт творчества у него — условное (метафорическое) питье, тогда как у Блока это неприглядная (бытовая) сторона жизни поэтов. Однако, у обоих эта деятельность изображается как некоторая обязанность поэта. У Пастернака — это максимальное поглощение поэтом окружающего мира и собственных эмоций, которые трансформируются в поэзию («Покуда в хрустальных неубранные яства // Во груди тубероз не превратит она»), у Блока такая жизнь — это крест, отметина: «Пускай я умру под забором, как пес, // Пусть жизнь меня в землю втоптала, — // Я верю: то бог меня снегом занес, // То вьюга меня целовала!» [Блок 2008: 554]. Возможно, что Пастернак опять имеет в виду и «Незнакомку» — ср.: «...Мы трезвости не терпим». Образ питья в связи с темой становления поэта становится важным для БвТ. Например, он появляется и в ключевом тексте БвТ «Я рос...»: «Напугтуем вином в стаканах // Игрой печальною стекла» [Пастернак 1992: 430].

Разворачивая в своих текстах темы творчества и его зарождения, пути поэта, Пастернак осмысляет их через поэтический диалог с текстами Блока и Фета. Можно предположить, что сама тема «близнечества» как отношения поэта с миром и творчеством по-

черпнута у Блока и отсылает к стихам из цикла «Снежная Маска», в которых возникает мотив двойничества героя с его возлюбленной, связанный с мотивом творчества. Пастернак обращается к блоковским темам жизни как постоянной борьбы, любви, которую надо достигнуть, а также утраты возлюбленной. У Блока Пастернак почерпнул тему «второго крещения» и осмыслил ее как перерождение поэта в новую жизнь в результате некоторых внутренних переживаний. Такое осмысление сопутствует христианским мотивам, через которые Пастернак осмысляет творчество Блока — жизненная борьба понимается и в христианском ключе — как постоянная борьба со злом. Пастернак развивает тему жертвенности и «испития чаши», усматривая в этом действии реализацию миссии поэта-пророка, сопоставляемого с Христом.

Как мы показали, «пьянство» поэта или поэтов, трактуемое у Блока как вынужденное и необходимое, превращается у Пастернака в почти «ритуальное» действие. Недостижимость любви, которая тесно связана с творчеством, реализуемая у Блока как поклонение, внезапная встреча, как само к ней стремление, в «Близнеце» изображается, как неизбежная потеря, утрата возлюбленной, переход ее в другой мир и, наконец, раздельное существование в разных мирах, на что указывают образы близнецов Кастора и Поллукса. Соединение влюбленных возможно только при «узнавании» одного другим, сосуществованием «двумя голосами в песне», то есть в самом творчестве.

Обращаясь к Фету, Пастернак касается самой темы творчества, творческого процесса, отношения поэта и слова, причин и целей творчества — творчества, как диалога с окружающим миром, выражения «невыразимого», творчества, как соединения небесного и земного миров.

Общие темы, несомненно, связывают для Пастернака Фета и Блока и позволяют ему обращаться к стихам того и другого, осмысляя и развивая их в своих текстах. Это тема отношений героя и воз-

любленной — тема утраты и смерти героини, с которой связываются образы Офелии и Гамлета, преодоление этой утраты, обращения к ней в воспоминаниях героя, любви как источника творчества. Эти образы становятся весьма значимыми для Пастернака, тема «близнечества», отразившаяся в названии книги раскрывается и как тема неразлучности двух лирических персонажей, но вместе с тем разделенности героя и его возлюбленной.

СОКРАЩЕНИЯ

Блок 2008 — *Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Пьесы.* М., 2008.

Гаспаров, Поливанов 2005 — *Гаспаров М. Л., Поливанов К. М. Близнец в тучах. Опыт комментария.* М., 2005.

Жолковский 2011 — *Жолковский А. К. Поэтика Пастернака. Инварианты, структуры, интертексты.* М., 2011.

Левинтон, Смирнов 1979 — *Левинтон Г. А., Смирнов И. П. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979*

Пастернак 1989 — *Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. I.* М., 1989.

Пастернак 1992 — *Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. V.* М., 1992.

Пастернак 2005 — *Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. VII.* М., 2005.

Фет 1966 — *Фет А. А. Лирика.* М., 1966.

Фет 2007 — *Фет А. А. Еще люблю, еще томлюсь: Стихотворения.* М., 2007.